

Любовь
Нопова

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГОЛОД

Голод

Любовь Попова

Голод

«Автор»

2020

Любовь Попова

Голод / Любовь Попова — «Автор», 2020 — (Голод)

Василису, обычную студентку медвуза, нельзя назвать смелой или бесстрашной, но когда ее подружка попадает на бабки, именно она идет в логово бандитов, где встречает главаря Макара. Он городской ростовщик и владелец самого развратного клуба города. Отработав не свой долг, Василиса уверена, что может спать спокойно, но не тут-то было. Макара слишком зацепила эта дерзкая особа, и теперь он сделает всё, чтобы не только стать у нее первым, но и единственным. Даже если придется пойти на обман. История Макара и Василисы из романа «Секс-тренажер по соседству». Элементы слэша, пошлый юмор, много откровенной эротики. Содержит нецензурную брань.

© Любовь Попова, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Василиса	5
Глава 2. Макар Черкашин	13
Глава 3. Василиса	16
Глава 4. Макар	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Любовь Попова

Голод

Глава 1. Василиса

Мне здесь не место. Громкие басы клубной музыки бьют по мозгам, а сигаретный дым в сочетании с алкогольными парами раздражают слизистую глаза. Что я здесь вообще делаю? Зачем стою и осматриваю это огромное помещение, заполненное людьми, еле различимыми в мигающем свете и разноцветных парах кальяна.

Но даже все это не имеет такого сильного значения, как смрад и лица людей, смеющихся и скалящихся, как грешников.

Мне кажется, я попала в настоящую преисподнюю. Единственное желание, клопочущее в горле – выбраться отсюда на свежий воздух. А лучше, вернуться в свою кровать в общежитии при медицинском институте и укрыться с головой одеялом. Забыться сном, забыть похоть в глазах этих людей, которые кроме как выпить, потрахаться и ширнуться не знают другого веселья.

Но нет, вместо того, что я действительно хочу, собираюсь с духом, втягиваю воздух и ныряю, как в прорубь, в разношерстную толпу. Долго пробираюсь сквозь развратно одетых мужчин и женщин, которые смотрят на мой наряд как на диковинку, а друг на друга как на презерватив, который можно использовать и выбросить.

Лучше я буду одета скромно и буду диковинной, чем натяну мини и буду мелькать красными трусами. Мой наряд меня полностью устраивает, вернее, он полностью отвечает моему желанию скрыться от ненужных взглядов.

Длинная юбка, армейские ботинки и пуловер, который напрочь отбивал желание ко мне подходить представителям любого пола. Так было нужно. Парни, которых как перчатки меняют соседки по комнате, не для меня.

Наверное, это глупо, так бояться забеременеть, но... Бабушка родила маму в шестнадцать, мама меня в семнадцать. Сестра всех переплюнула и залетела в пятнадцать.

Вся наша деревня ждала, что и я до окончания школы заделаю первенца, но я хочу добиться успеха. Хочу не зависеть от мужчин, а сама двигаться к вершине и когда-нибудь купить квартиру, машину и забрать сестру от ее урода мужа.

Поэтому и курсы самообороны, и очки, и невзрачная шишка на светлой голове, а главное – постоянное чтение литературы и новостей о жестоком обращении мужчин с женщинами. Все только для того, чтобы не ощущать прилива возбуждения, о котором так много говорят Ника и Даша. Только чтобы не привлекать внимание к своей проклятой, эльфийской внешности.

– Сюда нельзя, – прогремел надо мной голос амбала-охранника, в которого я внезапно уперлась лбом. Ой.

Он прав, конечно, но я не могу уйти. Одну из соседок взяли в заложницы бандиты. Она спьяну украла и разбила дорогую тачку.

Когда меня попросили ее выручить, я сначала нервно рассмеялась, потом пошла в полицию, где уже смеялись надо мной. Не нервно, а по-издевательски, ни на мгновение не поверив в безумную историю о том, как подружка сняла парня, а потом на ходу выкинула его из машины, потому что наглец приставал. Кто же знал, что ее найдут так быстро.

И вот теперь я здесь, шурюсь от мигающего света, пытаюсь разглядеть лицо охранника, а за моей спиной мощная поддержка в виде голубого друга – Пашки. Не то чтобы он может меня

защитить, но хотя бы поддержит. Хотя бы морально. Хотя бы позовет на помощь или вызовет скорую. Боже, хотя бы принесет цветочки на могилку и сообщит родным.

Не будем о плохом.

– Мы за Вероникой Кулагиной! Нам сюда, – говорю твердо, уперев кулаки в бока, пытаюсь, насколько это возможно, выглядеть устрашающе, хотя колени дрожат как желе.

Охранник в простой черной футболке с символикой клуба «Голод» и джинсах ухмыляется. Потом оглядывается, наклоняется ниже и почти по-медвежьему низко рыкает, впиваясь в меня тяжелым взглядом:

– Девочка, Веронику уже пустили по кругу, отработает тачку и вернется. Иди домой.

Боже, боже это же хуже смерти! А если она забеременеет ото всех сразу. Ну, то есть понятно, что это невозможно, но все равно противно. Надо выручать.

– Я не слышу стонов, – замечаю я строго, смотря за спину на дверь из черного дуба. – Значит, еще не пустили, и можно решить вопрос мирно. Давайте я попробую поговорить с владельцем машины, уверена, можно оформить кредит.

– Ты дура? – лаконично спрашивает верзила, и я невольно смущаюсь от такой постановки вопроса.

Возможно, он и прав. Ведь вместо того, чтобы просто забить на не слишком верную подружку, и вообще переехать в другую комнату от этих бл*душниц, я пришла сюда. Стою и пытаюсь как моська лаять на слона. А сколько таких слонов за дверью?

– Вот и я говорю, что дура, – трясущимся голосом шепчет Паша. – Васька, пойдем отсюда.

– Забирай своего гомика и уходи пока целая. Тебя даже твой камуфляж не спасет, Василиса. Только дебил не заметит, что ты красивая девка, – осматривает он мой непривлекательный вид и усмехается, словно я ему вру, а он не верит.

– Обычно спасает, и я знаю методы самообороны...

Верзила гогочет, словно лает, и я сглатываю слюну. Наверное, он прав, и мне лучше уйти. Тем более что Вероника не первый раз будет участвовать в групповом сексе. С нее не убудет, главное, что не убьют. А мне такого подарка точно не надо. Я планировала лишиться девственности где-нибудь лет через пять, после замужества, когда полюблю человека настолько, что почувствую не просто возбуждение, а окрыление и желание сделать для него буквально все.

И я хочу уйти, я решила. Я даже поворачиваю голову к Паше. Он без ума от счастья. Вдруг дверь за спиной открывается, впуская в наше темное пространство жар человеческих тел и громогласный мужской смех.

От этого низкого звука дрожь проходит по всему позвоночнику, скапливаясь где-то внизу живота, скручивая внутренности узлом. Ой.

Надо вспомнить историю про Адама и Еву. Я уверена, у змея был точно такой же заманивающий в свои сети смех. У Евы не было шанса ему противостоять. Будем надеяться, выйдет и у меня.

– Леня, кто там, что ты держишь гостей на пороге? – снова слышу я демонический низкий голос и невольно замираю, словно мне отдали команду как собачке. Не двигаюсь, почти не дышу, смотрю куда-то вперед, туда, где выход. Где свежий воздух. Мое спасение. Только кровь стынет от предчувствия, что я сама подписала себе приговор.

Делаю шаг вперед, страстно надеюсь успеть уйти, спастись, но на мое плечо ложится тяжелая лапа.

– Прости, крошка, поздно дергаться. Макар зовет. Макару отказывать нельзя.

Сопротивляться этой силе бесполезно. Охранник, даже не прилагая особых усилий, толкает меня в проем, где явно не оживают чудеса.

Можно сколько угодно говорить себе: «дура, дура, дура!». Но уже поздно.

Действительно, поздно. Остается только уповать на судьбу, которая оберегала меня от бед раньше.

Например, в аварии, меня забыли пристегнуть, и я просто выпала из машины. Ушибов было много, но в отличии от матери я выжила. Ранее в детстве я чуть не утонула в реке, но успела зацепиться за корягу, как раз перед падением в водопад.

Может быть и сейчас, как говорится, повезет. Пронесет. Может быть, мой ангел хранитель и сейчас со мной.

Сглотнула вязкую слюну и, чувствуя, как сзади прижимается и трясется Пашка, я стояла перед этими бандитами, распивающими алкогольные напитки, курящими кальян и другие вещества.

Почти сразу в кумаре замечаю Веронику. Она смотрит на меня во все глаза, еще даже не голая, в ногах у какого-то мажора, который мацает ее за грудь.

Но у меня, как и у любой жертвы, стоящей перед, готовой сожрать, стаей шакалов, сразу открывается нюх на вожака. Его запах перебивает все остальные. Острый. Мужской. Запах власти и силы, который подавляет, будоражит сознание и до смерти пугает.

Страх впитывается в меня словно вода в губку и скручивает внутренности.

Я уже чувствую его взгляд, но все равно смотрю на Веронику, даю себе время подготовиться. Пытаюсь морально, мысленно, пусть на расстоянии ее приободрить.

В конце концов здесь же люди, а не звери.

Еще бы самой верить в то, что думаешь.

Наконец, решаюсь, делаю вдох и поворачиваю голову туда, где, судя по интуиции, и находится он. Главный. Вожак. Лидер.

Его тяжелый взгляд прожигал. Его лицо было словно высеченным из камня грубым тесаком. Он не был красив в общем понимании слова, но его привлекательность и уверенность в ней ослепляла.

Не смотря на весь камуфляж от нежелательного мужского внимания, я остро ощутила себя девушкой, ощутила эту проклятую пустоту между ног, которую нужно заполнить, ощутила себя слабой, незащищенной, обнаженной под его внимательным метким взором.

Он мысленно, слой за слоем снимает с меня одежду, и уже нагнул для осмотра и, наверное, понял, что я чувствую.

Словно ягненок перед волком. Страшно и в то же время бурлит внутри кровь, и тело горит и плавится.

– Так, так, так, кто тут у нас? – пророкотал он и переместил вес. Чуть нагнувшись вожак положил локти на мускулистые, обтянутые джинсой колени. Движения были обманчиво спокойными, как у хищника, затаившегося перед прыжком, как у вируса, готового поразить организм новой болезнью.

Сам он вроде бы крупный, как бодибилдер, но легкий и быстрый, как спринтер. Было ощущение, что он вот-вот сорвется и сможет пробежать пару десятков километров даже не запыхавшись.

Я невольно взглянула на Пашу краем глаза, чувствуя его дрожь. Видно, что тоже пришибли мужская сила и аура самца.

– Лёня, кто это? Кастинг стриптизеров закончился вчера...

Парни заготовали, а я поджала губы. Меньше всего мне нравится, когда меня осмеивают. Тем более незаслуженно.

– Я не...

– Она за этой. Подружка. Спасительница, – ответил за меня охранник и пальцами чуть толкнул вперед.

Остальных мужчин я почти не замечаю, хотя и чувствую их взгляды. Они как туман и лишь два лица ярко выделяются в нем. Испуганное Вероники и насмешливое самого главного Макара.

Кто он? Что он? Я не знаю. Может быть убийца, насильник, садист, вор? Но почему, несмотря на страх перед возможными вариантами, хочется преклонить чертовы дрожащие колени и опустить взгляд как покорная рабыня. Что же это со мной?

Я никогда не чувствовала себя так.

Тело словно магнит и этот Макар противоположный полюс, который тянет меня к себе.

Я всегда думала, что стойка к мужской энергии. О, как же я ошибалась.

– Вот как, – усмехается Макар, чуть прищутив взгляд, скользя им по телу и часто задерживаясь на груди. Где я, наверное, впервые остро ощутила соски. – Смело. Может быть, ты хочешь ей помочь?

– Хочу.

Он тут же хлопает в ладоши, откидывается на диванчике.

– Мы как раз собирались вытрахать её во все щели, – кивает он на жадно скалящихся парней, а я быстро соображаю, как избежать лишения девственности в групповом изнасиловании. Может быть, попробовать рассмешить? Говорят, парни любят смешливых девчонок, но они их не возбуждают. – Присоединишься?

– Я бы с удовольствием, но природа, скотина такая, наградила меня только яйцеклеткой, – развожу я руками, на что Макар закидывает голову назад и гогочет. Красиво так, пуская прохладный ток по венам. Ему вторили мужчины, создавая почти адскую какофонию, кроме тех, кто, кажется, не понял, о чем речь.

– О, малыш, я вижу твою яйцеклетку, – прочистив горло, говорит Макар и вдруг резко встает. Вот так, без предупреждения. Я не готова, не подходи – думаю я и пячусь, врезаясь в Пашу, который сам стоит ни жив, ни мертв.

– Мои сперматозоиды давят на яйца, держа курс как раз на твою яйцеклетку, – вкрадчиво говорит он, и один из парней прыскает со смеху, остальные молчат. И я молчу. И Макар молчит. Только осматривает с ног до головы. Держится близко. Слишком близко.

Будь мы в другом месте, я бы даже улыбнулась, насколько остроумным мне показался этот мужчина, но мысль о посягательстве на мою яйцеклетку и возможные последствия привели меня в ужас. Судя по габаритам, этот самец может вырабатывать столько сперматозоидов, что беременность может наступить даже у бесплодной.

– Если у вас есть пара тысяч свободных головастиков, то вы можете обратиться в банк спермы, там всегда недостача.

Наверное, ему надоело, потому что сколько бы я не пяtilась, уже в следующую секунду его огромная грабля до боли рванула мой пучок, распуская по плечам волны пепельных волос, а другой сдергивая очки с простыми стеклами.

В груди сердце, которое билось часто, теперь зашло в страхе.

– Вы что...

– Сколько бы ты не строила из себя умную и страшную, ты просто баба, красивая, желанная бабенка с маленькой уютной пещеркой между ног.

Кто-то присвистнул, и, кажется, дыхание Паши за моей спиной скоро прервется.

– При чем тут моя внешность и мои гениталии, – поднимаю брови и складываю руки на груди.

– Раз ты сюда пришла, ты чего-то хочешь.

– Точно не ваши сперматозоиды...

– Тогда может быть у тебя есть двадцать тысяч баксов? – кривит он губы в ухмылке.

Я невольно приоткрыла рот, услышав сумку. В принципе, можно попросить у дяди Давида, но не хотелось бы подвергать его опасности.

Наверняка есть способ договориться с этим бандитом без убийства, шантажа и возможной беременности.

Взгляд на виноватую Нику ничего не дал. Это же надо было додуматься украсть машину у бандита....

– Вы же понимаете, что у меня нет и не может быть такой суммы.

– Зато у тебя есть ротик, – скалится он на меня как волк на добычу.

– Не понимаю, при чем тут мой рот? Я не голодна, – не целоваться же он со мной хочет?

– Зато голоден я, – вкрадчиво произносит он, пугая меня хитрой улыбкой, и под глумливые шутки парней прижимается ко мне своим половым органом. Внушительного размера. Хотела отпрянуть, но он нагло хватает меня большим и указательным пальцами за лицо и приближается, почти целует, но шепчет:

– Никогда не видел таких губ.

Что?

– Отсоси мне, и я вас отпущу.

– Что? – пытаюсь ударить, оттолкнуть, но шею сдавливают руки. – Я не буду этого делать. Я лучше найду денег. Мой дядя, он...

– Либо ты мне сейчас отсасываешь и глотаешь моих сперматозоидов, либо мы вас обеих пускаем по кругу, – он смотрит мне за спину и усмехается. – Этого голубка тоже. Наверняка кому-то приглянется его задница.

Все заржали, я бы и хотела посмотреть на Нику, на Пашу, но этот хищник вынуждал смотреть только на него.

– Вам же нужны деньги. Я могу их достать, – шепчу я уже испуганно, напряженно представляя, как буду брать в рот эту машину.

А если она не влезет, и мне придется отрабатывать со всеми и смотреть, как по кругу пускают моих друзей.

– Деньги у меня и так есть, а вот такой рот я вижу впервые.

– Только недоразвитый человек вместо того, чтобы соблазнить девушку, будет ее шантажировать, – говорю я и вижу, что зря.

Уже в следующую секунду меня отбрасывают на длинный кожаный диван с яростным криком.

– Ты совсем страх потеряла?! Ты с кем базаришь?! Я тебя сейчас отправлю в притон, накачаю наркотой, и ты сама будешь хотеть, чтобы тебя трахал каждый на расстоянии метра. Открывай рот или раздвигай ноги! Решай!

Мысли лихорадочно носились по кругу, почти так же лихо, как мурашки по коже, но выбор был настолько очевиден, что я откинула голову, смахнула с лица волосы и произнесла в гнетущей тишине.

– Мне нужна расписка, что после орального секса с вами к нам больше претензий не возникнет.

Это опасно, очень опасно так нагло разговаривать с такими людьми, но тут как в зверинце. Если они видят равного по положению, то не будут загрызать. Осталось убедить его, что я не овечка, а самый настоящий тигр, с когтями и зубами. А еще есть шикарный способ просто выкинуть из головы этот вечер. Раньше я не пользовалась им специально, но, кажется, пора использовать мою удивительную способность.

– И выпить. Водки

– Значит, расписка и водка, – ухмыльнулся он, а потом, не сдержавшись, рассмеялся. – Дэн! Неси. Бумагу и рюмку, – проголосил он, и блондин с почти белыми бровями закатил глаза, и мне показалось, что мазнул взглядом по Паше.

Наверное, сейчас не вовремя было, но я все равно посмотрела на стоящего, не шевелясь, друга.

Белоснежный лист, как и графин с водкой, как по волшебству оказались на черном лакированном столе. И вот уже Макар под мою диктовку, но со своими изменениями пишет расписку.

Там он указывает, что после минета – горлового, уточняет Макар – я и мои друзья отпускаются, и с нас снимается всякая финансовая и любая другая ответственность.

Как только этот повелитель всея дурдома, в который я попала, ставит свою размашистую подпись, я тут же вырываю из-под золотого паркера лист бумаги, залпом выпиваю рюмку водки и отношу расписку Паше.

Ну как отношу, несу, немного пошатываясь с непривычки – от такого-то количества алкоголя сразу.

Он в тот момент, что удивительно, смотрит не на меня, а на того самого блондина. Ладно, выживу – спрошу.

– Мне это никогда не показывай, спрячь, а лучше отнеси в хранилище, чтобы в случае чего, можно было предъявить полиции, – говорю я еле слышно, но наш тет-а-тет не всем по душе.

– Кончайте базарить, наш босс тоже хочет кончить, – послышался чей-то глумливый голос, и я, обернувшись, убедилась, что он не похож на Макаровский.

И это знание принесло легкую дрожь облегчения. Шутки шутками, конечно, но сейчас момент очень серьезный.

– Вась, ты уверена, что сможешь? Давай лучше я? – предлагает мне Паша. Великодушно. Самоотверженно. И я, движимая эгоизмом, улыбнулась и кивнула.

Потому что ему не привыкать брать в рот всякую гадость, а я даже чужой язык на вкус не пробовала. Потому что ему это наверняка понравится, а мне точно нет. И то, что внизу живота собирается легкая тошнота возбуждения при виде улыбки Макара, ничего не значит. Абсолютно ничего не значит.

Паша кивает, отодвигает меня в сторону и набирает в легкие воздуха, чтобы сказать:

– Я готов отсосать вместо Василисы.

Даже я не удержалась и прыснула от того, с какой пафосной торжественностью это было сказано. Про остальных и говорить нечего.

После секундной заминки заржали все. Все кроме того блондина. Он лишь скривил в отвращении губы. И самого Макара. Он смотрел на меня и отрицательно качал головой.

– Твои губы, малыш, я ни на что не променяю.

Ну что... Этого следовало ожидать. Поэтому я, собрав всю силу своего духа, подобрала слюни, сопли, смахнула невидимые слезы и пошла вперед.

В центр круглой мигающей огнями комнаты, туда, где стоял мой палач, стягивающий на моей шее невидимую петлю. От чего дыхание затруднялось, а воздух изо рта вырывался рвано. А в какой-то момент я и вовсе задохнулась.

Он просто сел, и при всех начал расстегивать ремень и звенеть молнией.

Вы, бл*ть, серьезно? Это что еще за вуайеризм?

– Прямо здесь?

– А зачем нам куда-то идти?

– При всех?

– Так тут все свои, – слышится снова позади глумливый голос, а меня в спину толкают. Так, что ноги подгибаются, и я тут же оказываюсь перед белой линией трусов Кельвин Кляйн. Кто бы сомневался.

Там, под этой тканью, виднелся бугор, и я слотнула слюну. В этот момент Макар вдруг восклицает:

– Толик, свали, твой смех уже в печенках сидит.

– В расписке не было указано, что мне придется делать это при всех, – напоминаю о себе и тут чувствую на своей светлой голове раздраженный взгляд.

Мужская рука нашла мое лицо, большой палец нажал на нижнюю губу, стараясь протиснуться внутрь, а потом резко рванул к трусам и прорычал:

– Обратного тоже не было указано. Бери, сука, в рот, пока я не начал шмалять из пушки. Делать было нечего и я, мельком взглянув, на Пашку, на Нику, протянула дрожащие руки к фирменной резинке трусов и оттянула ее.

Почти по лбу, ей богу. Мне прямо в лицо ткнулось это. Выпрыгнуло, как черт из табакерки.

Нет, то есть да, я видела мужские пенисы раньше. У младенцев, у трупов вместе с другими студентами меда и на статуях в музее. Даже у Паши как-то мельком.

Они все напоминали вялых червячков, барахтающихся в грязи после дождя...

Но это... Это даже не поддается описанию.

Огромный, возвышающийся над моим лицом, как пизанская башня, член.

Гладкий настолько, что вен почти не видно, с темно розовой головкой. Великолепный образец полового мужского органа. И будь у меня желание хоть когда-нибудь заиметь ребенка, именно от такого жеребца-осеменителя я бы хотела забеременеть.

– Ты чего там пялишься? – прогремел над головой вибрирующий голос с нотками нетерпения.

– Возможно, это первый и последний раз, когда вижу настолько совершенный мочеиспускательный половой орган, я должна запомнить, а потом, возможно, написать диссертацию...

– Все свалили на хрен! – пророкотал Макар, наглым образом перебив мою речь, а когда я попыталась встать... Он же сказал «все», то Макар просто взял меня граблями за волосы, накрутил их один раз на четыре пальца и подтянул к своему лицу.

– Мои друзья...

– Будут в безопасности...

– Ваш пенис, – снова лепечу я, пытаюсь хоть упором в бедра выдержать расстояние от его твердых губ.

– Должен уже быть у тебя во рту.

С этим он нажимает мне на щеки пальцами, делая больно и заставляя со стоном приоткрыть губы, в которые тут же попадает горячая головка.

Макар сдавленно застонал и стал нагло протискиваться внутрь моего рта, и сколько бы я не упиралась, ему все было нипочем.

В груди жар от водки смешался с жаром стыда и желания, что я не по осторожности испытала к этому бандиту.

И это все принесло некое умиротворение. Уже ничего не исправить, минета не избежать. Теперь нужно сделать все, чтобы это закончилось быстрее, тем более, что уже завтра я не вспомню этой наполненности во рту и самое главное не запомню того острого возбуждения, что заполнило мое тело от этого терпкого мужского запаха, ударившего в нос.

Не запомню, как крутит желудок от волнения. Не запомню безумного взгляда, с которым он разглядывает мое лицо, пока отбойным молотком трахает рот. Вбивается глубоко, не обращая внимание на мое мычание и слезы, что сплошным потоком заливают его гладко выбритые яйца.

Рукой тянусь к ним, хочу, чтобы он поскорее кончил, но Макар отбрасывает мою руку, продолжая толкаться внутрь, насиловать меня, а затем с громким пошлым звуком выходит изо рта.

Я откашливаюсь, но он тут же задирает член к плоскому животу и тянет мои губы к основанию.

– Лижи, – требует он и я подчиняюсь, внутри чувствуя, как начинает действовать алкоголь, расслаблять меня. Налетает отрешенность от реальности.

Я не здесь. Я во сне. Это не я так мокро вылизываю ствол по всей длине, это не я получаю от этого удовольствие и теку, как похотливая сука.

Нет, нет. Настоящая Василиса не испытывает возбуждения, она делает все, чтобы никогда не поддаться этому инстинкту. Даже пошла учиться на врача. Но что же делать, если прямо сейчас самым большим желанием становится овладеть этим грозным мужчиной, пусть на мгновение превратить его в раба удовольствия, которое доставляю ему я.

Наверное, именно поэтому я сжимаю пальцами основание члена, и сама беру его в рот. Вылизываю головку. Прохожусь по уздечке кончиком языка и даже насаживаюсь на х*р целиком, сразу ощущая новый рвотный позыв, но Макар помогает...

Заботливый. Дает отдышаться и снова толкает мой рот на себя. Раз. Другой. Пока его рука вдруг не пролезает в ворот широкой кофты милитари и не сжимает бугорок небольшой груди.

Я издаю стон, ощущая словно по телу пустили ток, а Макара тут же накрывает мощный оргазм.

Он толкается особенно глубоко, держит мою голову и заливает горло горячим сладко-соленым семенем.

Глава 2. Макар Черкашин

Перед его глазами мелькают звезды. Кажется, что именно сейчас, когда эти губы плотным кольцом обтягивают член, а его руки вплетены в шелк волос, он просто уносится в небо.

Летает там, буквально парит.

Пока терпение не лопадется, и он не начинает жестко трахать узкое горло этой шикарной девчонки.

Стоило ей зайти внутрь конференц-зала, как Макар обычно называл круглую комнату для переговоров и наказаний, дыхание перехватило.

Весь смешной камуфляж тут же мысленно слетел с идеальной формы груди, тонкой талии и сладкой дырки, что таит наслаждение. Очки, пучок. Кого ты пытаешься обмануть, малыш? Макар уже просканировал все, уже нагнул и вставил, и даже мысленно залил эти безобразные очки спермой.

А она ведь чувствовала его. Знала, что попала в логово хищника и понимала, кто главный. Больше ей не выбраться. Она, может, и пыталась отсрочить свое наказание шутками. И Макара они даже позабавили. Нет ничего лучше бабы, с которой можно не только потрахаться, но и поржать.

А уж когда она выпила залпом водку, шансов Макару она не оставила. Теперь он четко для себя решил, что сегодня возьмет ее в рот. Для профилактики. Научит ее членом, что бросаться на защиту всяких мокрощелок не стоит. О себе нужно думать.

А завтра он решил отвезти ее на крышу высотки и трахнуть возле парашюта, чтобы ее лишение девственности запомнилось надолго.

То, что она невинная, было ясно, как то, что граната не дает осечек, а человек при угрозе жизни готов продать и своего ребенка.

Такой камуфляж способ отогнать от себя всяких недомерков, и Макар обязательно похвалит ее языком за то, что хранила свое тело для него.

Сначала вылежит рот, потом соски, и, конечно, не забудет о губах между ног, что она сейчас так тесно сжимает.

А ее глаза невероятного оттенка только добавляют кайфа, что жидкой лавой течет по его венам, пока он толкается членом в рот, а вскоре со стоном изливает лаву в маленький пухлый ротик, который так удачно получил, всего лишь списав один из БМВ.

Машина была последней модели. Толик в пьяном угаре не заметил, как шлюшка завела двигатель и рванула по дороге.

Можно, конечно, долго ржать, думая о том, как он бежал с расстегнутой ширинкой, так и не успев пописать.

Но эта была машина Черкашина, и кто-то должен был ответить.

Так удачно сложилось, что ответила Василиса. Имя-то какое чудное.

Он задержал ее голову на себе ровно столько, чтобы она успела проглотить каждую каплю драгоценного семени, и только потом отпустил.

Отпустил настолько, чтобы заглянуть в глаза и приблизиться к губам. Он хочет их поцеловать. Он не видит в этом ничего криминального, ведь сейчас в ее рту вкус его самого. Он уже близко. Сладкие губы, поблескивающие влагой, так и манят.

Он спустил семя секунду назад, но уже чувствовал, что есть порох в пороховницах только при одной мысли о влажных губах и между ног.

И только он хочет коснуться желанного рта, она закрывается ладошкой, а вторая упирается ему в грудную клетку.

– В чем дело? – с рыком спрашивает он и пытается убрать, мешавшую продолжить игру, ладонь. Но эта малявка взбрыкнула и отпрянула. Да так быстро, что он не успел схватить кофту.

– Помнится, поцелуй в договор не входили.

– Что мешает нам немного изменить договор, – резко встает Макар и наступает. Нависает. Давит ростом и своей мужской силой.

Он был удовлетворен, но это только разожгло аппетит. Может быть, и не ждать завтра. Он же джентльмен. А даме требуется ответить взаимностью, довести до такого же состояния, чтобы она кричала не на него, а от его рук и губ.

– Не приближайтесь! Вы дали слово!

– Дай мне право взять его назад, малыш, и ты получишь много удовольствия, – усмехается он и, сделав еще шаг, все-таки хватает со спины эту сладкую конфетку. Хотел вгрызться в эту прозрачную кожу, посмотреть такая ли она нежная под одеждой.

Руками он уже забрался под нее и даже снова нащупал грудь, чувствуя отчаянное сопротивление.

– Не даю. Я не даю такого права!

– Ты еще скажи, что тебе не понравилось у меня сосать.

– Конечно, нет! – возмущенно вскрикнула она, когда его пальцы обнаружили стоящие сосочки.

– Врешь, малыш, – рыкнул он и протиснулся через тесный ремень брюк и тут же замер, прикрыв глаза от наслаждения. Мягкие, влажные завитки волос были просто восхитительны. Макару дико понравилось, что там не выбрито, как у большинства шлюх. Еще одно доказательство, что она невинная. Невинная для него.

Он щипнул пару волосков и стал пробираться через эти кущи к самому сладкому, что таится у женщины, и тут же завопил, ощутив острую боль в пальцах ноги.

– Совсем дура! – заорал он, согнувшись пополам, когда Василиса вбила тяжелый каблук берц в его мягкие мокасины.

Это, конечно, позволило ей отпрыгнуть от Макара и направиться к выходу.

– Сука, ты же течешь...

– Ну и что?! У нас есть договор. Вы обязаны соблюдать его от и до. Минет на свободу. Так что я ухожу.

– Да стой, ночь на дворе. Данила! – выпрямляется он во весь рост и все равно морщится от боли. Вот же сука. Еще и лыбится довольная. – Отвези эту безумную тройцу, куда скажут.

Малышка нагнулась, подняла свою резинку и сделала себе высокий пучок, привлекая внимание к своей высокой груди. То ли по не знанию, как действует на мужчин, то ли наоборот, решая показать, чего Макар только что лишился.

Во рту скапливается слюна, которой он бы мог щедро смочить острые соски, и он сглатывает ее. Интересно, какого они цвета. Такие же бледные как кожа, или может быть темнее – розовые. От желания это узнать буквально сводит скулы, и он неосознанно делает шаг вперед.

Василиса тут же встрепенулась и убежала в проем двери, не забыв величаво вскинуть подбородок.

Редкая женщина после унижения может вести себя так гордо. Редкая женщина может настолько завести Черкашина, который пользовался ими только для удовлетворения одного инстинкта.

Он возникал довольно часто, мешая порой работать. Но Макар быстро утолял голод, порой пугая шлюх своей грубостью, и просто продолжал жить дальше.

Но сегодня особый случай. Этот глубокий минет только раззадорил аппетит. Желание вкусить основное блюдо было почти невыносимым.

– Подождем до завтра, – решил он вслух и тут услышал трель телефона.

И все бы ничего, только это был особый телефон.

Он напрягает все мышцы, настолько сильно ему хочется остаться на месте, и идет к трубке, что спрятана в потайном кармане его пиджака.

– Да, мистер Коури, – говорит он на чистом английском.

Закончив разговор, который принес только новую головную боль, он распорядился дать парням, так и не разделившим должницу по-братски, шлюх, а сам ушел в свою квартиру.

Большая, современная, выдержанная в серых и коричневых тонах, она находится как раз над его клубом. Куртизанку в городе знает каждый богатый извращенец. Именно низменные желания людей позволяли шантажировать их снова и снова. Потому что репутация ценнее всего, а деньги еще дороже. И не многие готовы прощаться ни с первым, ни со вторым.

Но принимая душ после тяжелого дня и намазывая прокаченное в спортзале тело, Макар думал не об извращенцах.

Одна маленькая эльфийка заняла все его мысли, сделала вечер ярче, а член твердым, как никогда.

Одна мысль о ее теле, которое скоро окажется в его жестких руках, заставила его застонать и, приложившись к кафельной стене лбом, снова и снова надрачивать свой ствол, полировать его перед завтрашней встречей.

– Она не сможет устоять. Мне еще никто не отказывал.

Глава 3. Василиса

Долго верчусь на кровати, понимая, что уже утро и надо бы на пары пилить, но сил никаких.

Тело ватное, в голове будто поселился дятел.

И мне очень хочется свернуть ему шею. Что вообще за состояние, откуда у меня, у фитнес-тренера и студентки меда, симптомы ночного переедания или может быть... Похмелья. Да, это ближе.

Осталось понять, откуда оно может возникнуть. Пить мне категорически нельзя. Узнала я это на выпускном, после которого проснулась в чистом поле среди конопли. Спасибо, что одетая и не изнасилованная.

Потом было очень забавно наблюдать на видео, как вместо вальса, я притащила откуда-то степ платформу и исполнила программу интервала. И хоть бы одна скотина меня остановила. Нет, даже учителя забавлялись.

Стану врачом и никому из них помощи ни окажу, когда придут лечиться.

Очередное везение произошло полгода назад, когда я пошла вытаскивать Нику, эту богатую птичку из клуба. Она вырвалась от влиятельных родителей, можно сказать их церковной клетки, и вошла в раж. Ей очень понравилась свобода, и она стала ею злоупотреблять.

В тот раз, прежде чем выйти из клуба, Ника заставила меня выпить мартини. Выпила. Проснулась с ней в постели. Спасибо, что и там вроде ничего не было особенного.

И вот сегодня. Судя по ощущениям, меня никто не насиловал, никто даже не лапал. Вот только горло болит, и привкус какой-то приторно сладкий. Может, молока на ночь выпила.

Так, так. Надо вставать, тем более, судя по громкому шушуканью друзей рядом, я все-таки что-то натворила.

– Вы можете разговаривать не так громко, – простонала я и, повернув голову, все-таки открыла глаз. Один. Этого хватило, чтобы увидеть Нику, без макияжа, в маечке и шортах. Ничему ее жизнь не учит.

Второй глаз помог различить Пашу, лицо которого тоже было виноватым. Это уже плохо.

– Рассказывайте, – сразу потребовала я и по тому, как они переглянулись, я поняла. П*здец.

Мысленно я вернулась во вчерашний день. Даша, кричавшая мне что-то про Нику. Смех участкового, который мне не верил, потом свет, музыка клуба, в который нас с Пашей с трудом пропустили. А потом...

Я прикрыла глаза. Твою же мать...

А потом Макар. Черкашин Макар, местный коллектор, мать его. Он потребовал минет, взамен чести ребят и моей, по сути. Или минет, или быть пущенной по кругу его прихлебалами.

Даже глупо думать, что я могла отказать, даже расписку потребовала, а потом выпила, чтобы все забыть.

– Я звоню твоим родителям. – тихо проговорила я и сглотнула ком, понимая... Делала. В этот раз чуда не произошло. Я делала чертов минет незнакомому мужику, чтобы спасти одну никчемную вертихвостку, которая дрочит профессорам за пятерки. – Я звоню твоим родителям! Пусть забирают тебя и делают человеком!

– Нет. Вася, постой! – сразу вскочила Ника. Она боялась этого больше всего. – Я все, что хочешь, для тебя сделаю!

– Уже сделала! Спасибо! – закричала я, откинув одеяло, и хотела вскочить с кровати. Но ноги предатели подкосились, и я с визгом свалилась на пол.

Тут же меня окружили «заботливые» друзья и стали помогать встать, но я оттолкнула помощь. Чувства стыда и унижения, которые я вчера залила градусом, мгновенно мною овладели, и я, поджав трясущие губы, всхлипнула. Потом снова и снова, пока просто не согнулась пополам, взыв от ужаса.

Боже! Боже! Как шлюха. Отсосала у всех на виду, как шлюха!

Теперь все знают, какая я, значит мне только умереть. Точно умру и пусть мой труп разберут на органы, всяко полезнее, чем жить, зная, что наделала.

Лучше бы не пила, может быть бы запомнила чувство отвращения, которое наверняка возникло, когда я брала это в рот. Интересно, какое оно?

Нет, нет, мне неинтересно. Я забуду все это так же, как этот подонки наверняка забудет меня. Уже забыл. У него же сотни таких как я.

Сволочь. Еще бы забыть, какая он красивая сволочь, как его глаза-магниты так и манили в них взглянуть и утонуть в их черноте.

– Вася, – осторожно потрогала Ника мое плечо, а Даша даже подняла мое лицо за подбородок к себе.

Она была пухленькая, пугливая и очень добрая, а ее желание всем помогать, вне зависимости от их желания, добавляло ей индивидуальности.

– Ты сделала все правильно. Никто из нас тебя не осуждает. И никто кроме нас никогда не узнает, на что тебе пришлось пойти ради этой сучки...

– Эй!

– И там никого не было, кроме вас двоих, – сообщил Паша.

– Точно, точно, – покивала Ника и осторожно улыбнулась, а потом прижалась лбом к моей груди. – Я заигралась, ты права. Я буду лучше, обещаю. С этого дня ты видишь перед собой новую Веронику Томилову.

– Главное в монастырь не уйди, – усмехаюсь я.

– Наши профессора не переживут этого, ты же фактически спасаешь их от спермотоксикоза! – торжественно произнесла Даша, и мы все засмеялись. Кроме Ники, которая показала Даше язык и снова посмотрела на меня.

– Простишь меня? Когда-нибудь...

– Если только когда-нибудь, – улыбаюсь уголком рта и поворачиваюсь к Паше, мельком осматриваю нашу убогую комнатку, с аляпистыми обоями и фотографиями на единственном столе у окна.

Не хочу спрашивать. Очень не хочу, но слова сами собой вырываются из не девственного рта.

– Он всех выгнал?

– Ага, после того как ты начала петь хвалебные оды его члену.

– Что?! – ахнула я и тут же спросила. Язык бы мне отрезать. – Было, чему петь?

– О, да. Совершенный мочеиспускательный аппарат, – произнес он пафосно, и я понимаю, что он передразнил меня. Закрываю лицо ладонями и качаю головой.

– Стыдоба.

– Да не. Было забавно, а потом...

– Расскажешь мне потом, когда почишу зубы и смою с себя... – его взгляд. – Всю эту гадость.

– Вот и правильно, а я пока поглажу твои вещи. Хочешь? – услужливо произносит Ника и берет мою любимую милитари кофту.

– Ан, нет, – выхватываю. – Ты сначала пойми с какой стороны брать уют. Лучше сварь мне кофе. Надо чем-то перебить этот мерзкий вкус.

С этим я беру свою косметичку, полотенце и иду к двери.

Иногда я все-таки жалею, что не стала жить у Давида, или на квартире, что он предлагал мне снять. Сейчас бы принимала душ, как человек, а не шла в студенческую душевую.

Открываю двери, слушаю какую-то шутку Паши, и усмехаясь, ставлю ногу за порог.

Вскрикиваю, потому что оказывается врезаюсь в стену. Или не стену.

Больно у нее специфический аромат. Больно знакомый. Знакомый до боли.

Не может быть.

Поднимаю голову и тону.

Во взгляде, в усмешке, в человеке, которого здесь быть не должно. Точно так же как меня не должно было быть вчера в его клубе. Он смотрится здесь настолько несуразно, как аристократ в свинарнике, в своей синей шелковой рубашке и фирменных брюках.

В глазах неожиданно щиплет. Поджимаю губу, закрывая за собой двери комнаты, в которой наступила гробовая тишина.

Я ведь даже улыбаться только что начала, я ведь жить хотела начать, а он приперся. Издеваться собрался? Сказать, что его расписка ничего не значит, или может быть сказать, что я недостаточно глубоко сосала?

– Я не знаю, что вы здесь забыли, но общежитие не место для таких, как вы! – твердо говорю я и, не глядя на резко вытянувшееся лицо, обхожу его по кругу, как опасного зверя.

Почему, собственно, как?

Резкое движение руки, как бросок змеи, и вот я уже прижата к его твердой груди.

– Что вы хотите? Мне кажется, что я отдала вам все, что могла, – шиплю в его лицо, невольно чувствуя, как предательски ноют соски. Эй, вы там! Он преступник и шантажист! Какое к черту возбуждение, уж точно не к такому как он это испытывать!

– А мне кажется, у тебя есть еще очень многое, чтобы я мог забрать... – вкрадчиво шепчет он и буквально вдавливая меня в себя, тянется к губам, но я резко отворачиваюсь.

Щеку обжигает поцелуй и меня почти парализует. И именно это внезапное помутнение рассудка и узел внизу живота придают мне сил его оттолкнуть.

Что еще за номера! Тело, алло! Пилотка мозгу не товарищ!

– Не для вас моя ягодка росла, – сразу восклицаю я и отбегаю, но тут вижу, что первый студент выбрался из берлоги.

Понятно. Суббота. Сейчас все проснутся и увидят его здесь, а потом по институту пронесется слух о том, что я общаюсь со всякими странными типами. Сколько ему лет? Судя по лицу под тридцать, судя по поведению пятнадцать.

Он вдруг рассмеялся.

– Так значит я был прав. Ты девственница, – кивает он и долго смотрит на мои шлепанцы зайцы. – Наверное, вкусные пальчики.

Плохо, конечно, что он знает, но у меня есть расписка, так что...

– И планирую ею оставаться как можно дольше! – яростно говорю и я, развернувшись, ухожу в сторону ванной. Озабоченный. Кожей чувствую его этот дурацкий глубокий смех.

– Не говори гоп, пока на меня не запрыгнешь, – слышу в спину и скидываю руку. Неприличный знак стал ему ответом, дрожь по телу – мне предупреждением. Держаться от него подальше. И подальше. Примерно, пока не умру.

Глава 4. Макар

Найти ее было не сложно. И хотя сначала Макар хотел выждать пару дней, чтобы поскучала, помучилась неизвестностью...

В итоге восемь утра субботы, а он здесь, в этом обшарпанном здании, где проживать могут лишь тараканы.

А живет его Василиса.

Ничего, сейчас трахнутся и он ей хату снимет, будет его еще одно логово с узенькой дырочкой и пухлыми губками.

Найти ее было не сложно. Связей у Макара хватало, а вот понять, почему она шугается его, как дьявола, трудно.

Она, конечно, девка огонь, в нее только спичку-вспышку кинь, и она загорится. И лично Макар собирался в этот момент присутствовать, как в прочем и в душевой, в которой она думает, что спрячется от него.

Очень удобно, что общежитие оказалось не студенческим, а общим. Тут собрались жаждущие познать самые разные профессии и одного такого Макара взглядом загнал обратно в свою комнатушку.

Маленькую настольку, что у Макара кладовка для продуктов была больше.

Путь до душевой, в которой было три кабинки, был коротким и наполненным яркими сексуальными образами одной наглой девчонки, которая, кажется, не понимала своего счастья.

Ведь ей выпала честь быть лишеной девственности членом самого Макара Черкашина.

И он очень ждал, когда же сможет ее оказать.

А уж шум воды и легкий вибрирующий мотивчик, что Василиса напевала себе под нос, напрочь снесли Макару крышу и он уже не думал о том, что лишать девственности на втором свидании не стоит. И тем более не думал, что девушка может быть против.

Он просто знал, что местечко между ног, что Малыш сейчас моет, принадлежит ему. Именно поэтому, почти теряя рассудок от боли в яйцах, Макар скинул с себя джинсы, стянул рубашку. Хотел уже стянуть боксеры, которые давили из-за силы их рвущей, но все-таки вспомнил о приличиях.

– Успеется, – решил он и решительно прошел, и открыл дверцу душевой.

– Подвинься, – говорит он, охватывая взглядом упругую грудь с розовыми торчащими сосками и тут же ему в лицо прилетает крик!

– Пошел вон, придурок! С ума сошел?! Это вторжение в частную собственность...

Макар морщится от шума, отбрасывает кулачки, которые бьют его по уже намокшей, чуть припорошенной волосами груди и просто толкает истеричку к стене, быстро охватывая взором идеально вылепленную фигурку.

– Не прекратишь орать, я совершу вторжение в твой рот и вчерашнее изнасилование горла покажется тебе праздником.

Удар по щеке разбрызгал воду, что уже по ней стекала, но Макар только улыбнулся.

Боль была, но скорее отдающаяся в пах, как и та, что он почувствовал от нового удара.

– А если я?!

– Не имеете права! Вы... вы давали расписку...

– Что больше не имею к тебе финансовых претензий, – говорит он и глотает стекавшую по лицу воду.

– Ага, зато я смотрю у вас ко мне есть другая, очень большая претензия! – тычет она пальцем в член.

– Считаешь, большая. Я знал, что понравился тебе, – резко хватает он Василису за руку и прижимает ладонь к своему члену.

Он хотел облегчения, а сделал только хуже. Именно поэтому, крепко держа тонкое запястье, он стянул с себя трусы и нажал на член чужой, упирающейся ладонью.

– Только не поцарапай, он очень нежный, – говорит он со смешком и смотрит в глаза Василисе.

И там было, на что посмотреть. Они горели пламенем, ярким, неистовым.

И не только ненависть была там, страсть полыхала не меньше.

Макар чувствовал, что ее трясет, он чувствовал, как она жаждет собрать растопыренные пальцы и обхватить его ствол, по которому он водил ее ладошкой.

– Ты подонок.

– Не отрицаю.

– Вы сволочь! – снова кричит она, но звук душа заглушает ор, а ее взгляд все чаще и чаще тянется вниз, туда, где уже болезненно вибрирует член.

– Иди сюда, малыш, – шепчет он и делает шаг, почти касаясь головкой плоского, с полосами мышц животика.

– Перестань себя обманывать. Перестань сопротивляться мне.

– Буду, буду до самого конца, – рвется она в сторону, но он сдерживает ее тело у кафельной синей стены и наклоняет голову.

– Лучше прими в себя мой конец, – соблазняет он голосом и пальцами, что покручивают сосочки, всматриваясь в удивительные глаза этого чуда. Долго сморит, знает, что ее тоже штырит не по-детски, и накрывает желанные губы.

Накрывает и долго ласкает их языком, не отрывая от нее взгляда.

И только Василиса прикрывает со стоном глаза, как он победно улыбается и толкается языком в мягкий шелк рта.

Долго ласкает мокрую кожу стройных ног. Его пальцы перепархивают на внутреннюю сторону бедер и находят пушок, который скрывает терпкую сладость.

Он тянет руку ниже, дальше и углубляет поцелуй и уже с восторгом чувствует, что женские пальцы все-таки обхватили его член и сжали.

Он издает рычащий стон, насилует рот языком и трет горошинку клитора. Это все было дико по-детски. Ведь он хотел туда, глубоко, где узко, горячо и влажно. Но он не мог остановиться, ему хотелось услышать стон только что сопротивляющейся девушки.

Он ускорил ритм движений, уже чувствуя, как сам близок к падению в экстаз, но усиленно толкал туда Василису. Его прекрасную Василису, которая внезапно сжала его член сильнее одной рукой, а второй впилась ногтями в плечо.

Он отпустил ее рот и содрогнулся, когда услышал сладчайший стон, что только может издать женщина.

Она почти упала, если бы не его губы, обхватившие острые чувствительные вершины сосков, а руки уже не сжимали попу, поднимая Василису наверх и тычась болезненно пульсирующей, каменной плотью.

Как вдруг Василиса прикрывает свою прелесть ладонью и поднимает затянутые поволокой глаза.

– Ну что еще? – недовольно бурчит Макар.

– Презервативы. Нужны.

– Я здоров, ты, я уверен, тоже. Впусти меня...

– Кроме сопутствующих половых заболеваний, есть самая страшная опасность.

– Какая, – плохо соображает он.

– Дети, – страшным шепотом говорит Василиса.

– Я успею, – просто говорит Макар и понимает, что сам впервые в жизни забыл о защите.

– У меня есть, – радостно говорит Василиса и просит спустить ее на пол. – В косметичке. Я быстро.

Она выбегает из душевой, а Макар улыбается, уже чувствуя огонь в теле от будущего совокупления. Она сдалась. Так просто и легко. Прелесть, а не девчонка.

Он нахмурился и выключил воду, когда спустя несколько секунд зараза так и не появилась.

– Василиса?

Он выглянул за дверцу и шумно, смачно выругался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.